

смысл. Помочь в этом вопросе может так называемое «правило альтерната», которое предусматривает соответствующее расположение и порядок терминов и названий.

Литература

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г.: одобрен Советом Респ. 19 нояб. 1998 г.: текст Кодекса по состоянию на 10 марта 2013 г. — Минск: Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2013.

2. Венская конвенция о праве международных договоров 1969 г. // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». — Минск, 2012.

3. Венская конвенция о праве договоров между государствами и международными организациями или между международными организациями 1986 г. // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». — Минск, 2012.

4. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.). — Минск: Амалфея, 2007.

5. О международных договорах Республики Беларусь: Закон Республики Беларусь от 23 июля 2008 г. № 421-З // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». — Минск, 2012.

6. Понятие международного договора // Сайт рефератов [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.ref.by/refs/51/40153/1.html>

7. Шкобенева, Г.В. Международный договор как источник гражданского права: проблемы теории и правоприменения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03; Моск. ун-т МВД России / Г.В. Шкобенева. — М., 2011.

Статья поступила в редакцию 19.12.2013 г.

Л.П. Станишевская

*кандидат исторических наук, доцент
БГЭУ (Минск)*

ОБ ИСТОКАХ НАУКИ МЕЖДУНАРОДНОГО ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА

В статье рассматривается история возникновения и формирования науки международного гражданского процесса (МГП). Исследованы истоки российской дореволюционной науки МГП. Особое внимание уделяется наследию таких известных правоведов, как Т.М. Яблочков, Д.И. Мейер и др.

In the article is considered the history of emergence and formation of science of the International Civil Procedure. The sources of the Russian pre-of science of the International Civil Procedure are investigated. The special attention is paid to the scientific heritage of such known jurists, as T.M. Yablochkov, D.I. Meyer, etc.

Неподдельный интерес широкого круга правоведов к проблематике МГП является отражением объективного процесса глобализации юридической жизни в современный период. Что же касается проблем, связанных с историей международного гражданского процесса, то, по мнению известного международного процессуалиста Х. Шака, они еще очень мало исследованы [1, с. 58]. К сожалению, большинству юристов на постсоветском пространстве свойственно сугубо утилитарное отношение к международному гражданскому процессу, ориентация на практику, а не науку. В этой связи хочется напомнить слова Карла Поппера, писавшего: «...об истории науки можно сказать две вещи. Первая — что только человек, понимающий науку (то есть научные проблемы), может понять ее историю. Вторая — что только человек, хоть в какой-то степени действительно понимающий ее историю (историю ее проблемных ситуаций), может понять науку» [2, с. 181–182].

В настоящее время в научной литературе на постсоветском пространстве практически нет ни одной монографии, посвященной истории МГП и его науке. Однако недавние публикации трудов по истории международного публичного права [3], истории науки международного частного права [4, 5] вселяют надежду на то, что появятся исследователи исторических проблем международного гражданского процесса.

Главная причина отсутствия заметных исследований истории международного гражданского процесса и развития соответствующей науки видится в том, что международный гражданский процесс возникает одновременно с международным правом и очень тесно с ним связан. Так, в российской правовой доктрине международный гражданский процесс долгое время считался частью науки МЧП и включался в его структуру. Эта точка зрения до сих пор отстаивается рядом ученых. Действительно, МЧП и МГП имеют общее происхождение, тесно взаимодействуют и взаимозависимы. Такое положение серьезно затрудняет вычленение его собственной истории. Именно поэтому мы обратились к данной проблеме.

Общеизвестно, что термин «международный гражданский процесс» был введен в употребление российскими юристами — специалистами в области международного частного права (XIX в.). Первоначально этот термин использовался для обозначения совокупности процессуальных норм, применяемых судом при рассмотрении споров, в которых присутствовал иностранный элемент. Со временем традиционным для российских юристов стало рассмотрение МГП в плане правоведения, как части международного частного права, и определение его в качестве совокупности специальных норм национального гражданского процесса для целей отраслевой принадлежности. Аналогичный подход можно найти в доктрине других государств. Так, Г. Кегель, например, включает в МЧП вопросы международного гражданского процесса [6, с. 131].

Дореволюционные ученые прежде всего обратились к исследованию коллизионных норм. В 1850 г. в Петербургском университете были защищены магистерские диссертации Ф. Бобровским («О действии законов гражданских и уголовных одного государства в другом») и Благовещенским («О действии государственных и гражданских законов в международном праве») [7, с. 468]. К сожалению, эти работы не были опубликованы, о них и их авторах почти ничего не известно. В связи с этим пальму первенства в исследовании коллизионных норм отдают профессору Казанского университета Д.И. Мейеру, чьи лекции были изданы в 1859 г. [8, с. 116]. Опираясь на труды Ф.К. Савиньи, он предпринял попытку связать его коллизионное учение с некоторыми положениями гражданского законодательства России.

Д.И. Мейер отмечает, что особую важность при столкновении законов имеют три места: место жительства лица — место его рождения; место нахождения имущества; место совершения юридического действия [9, с. 65]. Он демонстрирует прогрессивные взгляды на положение

иностранцев, находящихся на территории России, утверждает, что «законы должны быть применимы ко всем одинаково, насколько сами законы не определяют различия» [9, с. 65–66]. «Нарушение этого правила есть вопиющее нарушение закона и справедливости», — подчеркивал он [9, с. 70].

Н.П. Иванов, опубликовавший в 1865 г. в «Известиях и ученых записках Казанского университета» диссертацию на тему «Основания частной международной юрисдикции», констатировал, что путем заключения договоров «мало-помалу образуется даже единое частное или гражданское право Европы, которое составляет заветное желание весьма многих просвещенных людей настоящего века и которое, при нынешнем развитии отношений, действительно является жизненной потребностью» [10, с. 469]. Ученый задается следующим вопросом: «при местном различии законов, по какому именно закону надлежит разрешать случаи таких юридических отношений, которые или возникли в месте господства иного права, или же в которых участвует лицо, принадлежащее другой местности с особым правом» [11, с. 138]. Иванов отмечает, что «вся особая задача международной юрисдикции <...> состоит лишь в том, чтобы отыскать для данного юридического отношения подлежащую область права» [11, с. 150]. Однако, по его мнению, вопрос о применении права в случае коллизий между законами должен решаться законодательной властью государства, а не судебной [11, с. 151]. Что же касается суда, то «в случае коллизии между законами отдельных государств, судья обязан поступать на основании своего отечественного закона», а именно — на основании тех постановлений отечественного законодательства, которые прямо предписывают применение иностранных законов. Автор не исключал применения иностранного права и путем толкования [11, с. 156].

Юрист-международник М.Н. Капустин указывает, что «положение иностранцев, временное пребывание частных лиц вне пределов их национальной территории и гражданские сделки между членами различных государств вызывают приложение юридических норм, несходных между собой. Столкновение таких норм, поскольку эти последние относятся к различным национальным законодательствам, должно быть определено с точностью и по существу своему имеет международный характер» [12, с. 70]. Опираясь на теорию Ф.К. Савиньи, Капустин отмечает, что в гражданской области международной жизни коллизионные вопросы решаются не исключительно по национальности лиц, а по тому закону, которым определяется существенный момент юридического отношения («центр тяжести», по выражению Савиньи) [12, с. 71].

В формировании и развитии учения о международном гражданском процессе велика заслуга русских юристов конца XIX — первой четверти XX вв.: Т.М. Яблочкова, К. Малышева, П.Е. Казанского, Ф.Ф. Мартенса и др.

К числу выдающихся работ, положивших начало углубленной разработке процессуальной тематики в российской доктрине, относится «Курс международного гражданского процессуального права» Т.М. Яблочкова (1909 г.). Этот труд оказался единственным крупным специальным исследованием по вопросам международного гражданского процесса, вышедшим в России до 1917 г. Не случайно личность Т.М. Яблочкова и его труды занимают в МГП действительно уникальное место. Именно Яблочков впервые в российской юридической науке обстоятельно исследовал общие положения о применении иностранных законов, процессуальные право- и дееспособность иностранцев, вопросы ведения процесса с участием иностранцев, оказания взаимной судебной помощи, исполнения решений иностранных судов. Т.М. Яблочков рассматривал международное процессуальное право как «совокупность норм и правил, регулирующих компетентность судебных органов, форму и оценку доказательств и исполнение решений в международно-правовой жизни на тот случай, что наступит коллизия процес-

суальных законов и обычаев различных государств... Гражданский процесс имеет своим предметом установление формальных правил относительно предъявления исков, представления доказательств, порядка обжалования и приведения в исполнение судебных решений... Процессуальное право коренится в публичном праве, а потому оно находится под особо сильным влиянием принципа «государственного суверенитета». Этим публичным характером процессуального права объясняется ограниченность той свободы, которой пользуются тяжущиеся силы... Если в частном праве в силе принцип автономии воли договаривающихся лиц, то в международном процессуальном праве эта автономия сторон принципиально исключена» [13, с. 3, 5–6]. Существование отдельного международного процессуального права признавали М.А. Таубе и А.М. Горовцев [14, 15].

Известному русскому цивилисту К.И. Малышеву принадлежит заслуга в разработке учения о внутреннем коллизионном праве (межобластных, или «туземных», коллизиях). Отдавая предпочтение российской науке и законодательству, Малышев подчеркивает, что «для сравнения полезно принимать и другие историко-сравнительные материалы...» [16, с. 130]. Ученый пишет: «Нельзя сказать, чтобы применение законов одной местности было общим правилом, а применение законов других местностей было исключением. Правда, суд применяет обыкновенно законы своего округа (*lex fori*), но тогда только, когда нет основания для применения законов посторонних...» [16, с. 145]. Малышев отмечает особое значение коллизионных норм в теории гражданского процесса. При рассмотрении проблемы места действия закона он отделяет внутригосударственные коллизии от условий применения иностранных законов. Общее правило, по мнению Малышева, применимо только в тех государствах, которые «отличаются однородностью населения», а все крупные государства, имеющие колонии, вынуждены признавать действие местного (иностранного) законодательства. Данную проблему ученый считал достаточно серьезной, так как возникающие конфликты лишают государство общего закона. Для успешного разрешения конфликтов с участием иностранного элемента, — полагает Малышев, — необходимо обратиться к сравнительному правоведению и международным трактатам. По мнению Б.Э. Нольде, никто в истории русской юриспруденции не мог ни раньше, ни после сравниться с Малышевым по знанию положительного русского и иностранного права.

Большой вклад в развитие российской правовой науки внес выдающийся русский юрист и дипломат Ф.Ф. Мартенс. Он не ограничивался констатацией и описанием действующих учреждений и норм, а пытался путем исторического изучения открыть закономерности их развития, анализируя условия современной жизни, определить их значение и жизнеспособность. Им была построена система международного права, одна из лучших в то время. Двухтомный фундаментальный курс Мартенса «Современное международное право цивилизованных народов» выдержал в дореволюционной России пять изданий и был переведен на 13 языков. Этот труд был хорошо известен, как в Российской империи, так и за ее пределами [17]. Ученый высказывает мысль, что международное общение есть единственное верное и положительное основание, благодаря которому могут быть решены запутанные и сложные вопросы (например о применении законов различных государств). Известным трудом Ф.Ф. Мартенса практической направленности является «Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами», где помимо основных международно-правовых документов содержатся интересные исторические пояснения. Не раз его проекты и предложения по урегулированию проблем международного общения получали санкцию института (смешанное судопроизводство в консульских судах, судоходство по международным рекам, меры против рабо-

торговли на море и др.). Мартенс неоднократно был судьей в международных третейских судах и являлся членом Постоянной палаты третейского суда в Гааге.

Труд Мартенса вызвал острую дискуссию в научном сообществе России. Так, например, Нольде чрезмерно критично отнесся к его теории [18, с. 21]. В.П. Даневский, напротив, отметил, что работа Мартенса заняла «видное место в западной литературе, благодаря, как полноте материала и указаниям на малоизвестные за границей явления..., так и некоторым своеобразностям в системе» [19, с. 92]. Т.М. Яблочков и Л.А. Комаровский также высоко оценили теорию Мартенса. А.Н. Мандельштам ставит ему в заслугу «то обстоятельство, что и в области частного международного права он признал эту идею «единственно верным и положительным основанием», отбросив всякий метафизический балласт» [20, с.178]. Неоднозначность и противоречивость суждений Ф.Ф. Мартенса способствовала проявлению интереса к заявленной им проблематике, как со стороны юристов-международников, так и со стороны цивилистов, что нашло свое отражение в их работах.

Русский юрист, член Гаагской палаты третейского суда (с 1909 г.) Л.А. Комаровский обратился к средствам разрешения международных споров. Его монография «О международном суде» получила широкую известность за пределами России и оказала значительное влияние на разработку в западной науке вопросов международного третейского трибунала и постоянного суда.

Специалист в области международного гражданского права П.Е. Казанский, поддерживая идеи Мартенса, обозначил два пути, по которым идет человечество, — национальный и интернациональный. Первый ведет к всемирному единству, а второй — к обособлению народов друг от друга. То и другое он воспринимает как явления, взаимодополняющие общественный процесс. Международное гражданское право, по мнению ученого, регулирует международный гражданский оборот и представляет собой начала, определяющие гражданские права человека в международных отношениях, или, что то же самое, гражданские права иностранцев [21, с. 493]. Казанский в разделе своего «Учебника международного права, публичного и гражданского» — «Международный юридический процесс» — дал характеристику процедурам международного урегулирования споров, а также международному уголовному и гражданскому процессам [21, с. 396–492]. При решении коллизий гражданских законов разных стран Казанский отмечает, что ни одно государство не имеет права вообще запретить своим судам применение иностранных законов, оно обязано указать границы и случаи их применения. Продолжая тему дуализма международного права, Казанский дает ему достаточно широкое определение, включив туда и «международное гражданское положение отдельных лиц» [22, с. 57]. При этом он делает оговорку о противоречии, вызванном тем, что «положение иностранцев определяется частью международным правом, частью внутреннегосударственным» [22, с. 62]. Таким образом, несомненная заслуга П.Е. Казанского состоит в том, что он не ограничивал исследование международного гражданского права рамками коллизионного права, хотя и не всегда последовательно проводил в этом отношении свою точку зрения.

Существенный вклад в дореволюционную правовую науку России, выведение ее на мировой уровень внесла, несомненно, научная деятельность М.И. Бруна. Он является одним из наиболее крупных российских ученых-исследователей, обратившихся к истории правовой науки. В своей работе «Очерк истории конфликтного права» Брун проследил эволюцию основных понятий данной отрасли права. С его именем связано также развитие международного цивилистического направления. Перу Бруна принадлежат обзоры практики гражданского суда и иностранных законодательств в «Юридическом вестнике» 1886–1896 гг. Брун различает международное частное право и международное гражданское право. Последнее имеет космо-

политический характер, нормы которого годятся для отношений между людьми, независимо от того, к какому государству они принадлежат. По мнению Бруна, коллизионные нормы действуют независимо от какой бы то ни было инициативы со стороны частных лиц. Следовательно, если коллизионная норма велит применить иностранный закон, то судья не может не применить его, каково бы ни было поведение заинтересованных лиц. Второе положение сводится к тому, что коллизионная норма никогда не уступает своего места коллизионной норме чужого законодательства [23, с. 151].

Таким образом, дореволюционные российские правоведы заложили основы изучения системы международного гражданского процесса и его науки, многие элементы которой были восприняты в последующем советской и постсоветской наукой МГП. Исследование международного гражданского процесса в дореволюционный период рядом обстоятельств (причин) было осложнено. К ним относятся «молодость» российской науки, а также отождествление МЧП и МГП. Но тем не менее следует отметить, что дореволюционные российские ученые в области научных разработок поднялись на уровень мировой науки и международно-правовой мысли. Ее ценнейший опыт и достижения в полной мере востребованы на современном этапе.

Литература

1. *Шак, Х.* Международное гражданское процессуальное право / Х. Шак. — М.: БЕК, 2001.
2. *Поппер, К.Р.* Объективное знание. Эволюционный подход / К.Р. Поппер. — М.: Эдиториал УРСС, 2002.
3. *Гурин, А.В.* История международного публичного права: пособие / А.В. Гурин. — Минск: Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2012.
4. *Мережко, А.А.* Наука международного частного права: история и современность / А.А. Мережко. — Киев: Таксон, 2006.
5. *Абдуллин, А.И.* Очерки истории науки международного частного права в России. Проблема понимания природы международного частного права в трудах отечественных правоведов XIX — начала XX вв. / А.И. Абдуллин. — Казань: Казан. гос. ун-т им. В.И. Ульянова-Ленина, 2004.
6. *Юрова, Н.М.* Международное гражданское процессуальное право / Н.М. Юрова. — М.: Волтерс Клувер, 2008.
7. *Грабарь, В.Э.* Материалы к истории литературы международного права в России / В.Э. Грабарь. — М.: Изд-во АН СССР, 1958.
8. *Савчук, К.О.* Міжнародно-правові погляди академіка В.Е. Грабаря / К.О. Савчук. — Київ: Ін-т держави і права ім. В.М. Корецького НАН України, 2003.
9. *Мейер, Д.И.* Русское гражданское право: в 2 ч. / Д.И. Мейер. — М.: Статут, 1997. — Ч. 1.
10. *Грабарь, В.Э.* Материалы к истории литературы международного права в России / В.Э. Грабарь. — М.: Изд-во АН СССР, 1958.
11. *Иванов, Н.П.* Основания частной международной юрисдикции / Н.П. Иванов // Ученые записки Казанского университета. — 1865. — Вып. 11.
12. *Капустин, М.Н.* Международное право: конспект лекций / М. Капустин. — Ярославль, 1873.
13. *Яблочков, Т.М.* Курс международного гражданского процессуального права / Т.М. Яблочков. — М.: Статут, 2009.
14. *Таубе, М.А.* Система межгосударственного права в схематическом изложении / М.А. Таубе. — СПб.: Тип. В.Ф. Киршбауна, 1909.

15. *Горовцев, А.М.* Международное право. Краткая энциклопедия / А.М. Горовцев. — СПб.: Тип. Тренке и Фюсно, 1909.
16. *Малышев, К.И.* Курс общего гражданского права России: в 2 т. / К.И. Малышев. — 2-е изд., испр. и доп. — СПб.: Тип. М.М. Стасюкевича, 1876. — Т. 1.
17. *Мартенс, Ф.Ф.* Современное международное право цивилизованных народов: в 2 т. / Ф. Мартенс. — 5-е изд. — СПб., 1905. — Т. II.
18. *Нольде, Б.Э.* М.И. Брун (1860–1916) и наука международного частного права в России / Б.Э. Нольде. // Вестн. гражд. права. — 1917. — № 3–5.
19. *Даневский, В.П.* Пособие к изучению истории и системы международного права / В.П. Даневский. — Харьков, 1892. — Вып. II.
20. *Мандельштам, А.Н.* Гаагские конференции о кодификации международного частного права: в 2 т. / А.Н. Мандельштам. — СПб., 1900. — Т. I.
21. *Казанский, П.Е.* Учебник международного права публичного и гражданского / П.Е. Казанский. — Одесса: Экон. тип. и лит., 1904.
22. *Казанский, П.Е.* Введение в курс международного права / П.Е. Казанский. — Одесса: Экон. тип. и лит., 1901.
23. *Брун, М.И.* Международное частное право / М.И. Брун. — М.: Тип. В.Ф. Киршбаума, 1911.

Статья поступила в редакцию 20.12.2013 г.

Т.С. Таранова
доктор юридических наук, доцент
В.А. Литвинко
кандидат юридических наук
БГЭУ (Минск)

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Статья посвящена характеристике становления и развития международного гражданского процесса в Республике Беларусь на современном этапе, а также обоснованию необходимости принятия отдельного нормативного правового акта о международном гражданском процессе. Предметом правового регулирования отдельного нормативного правового акта о международном гражданском процессе могли бы являться общественные отношения, складывающиеся при осуществлении защиты нарушенных прав и оспариваемых законом интересов субъектов гражданских и иных правоотношений цивилистической направленности, осложненные иностранным элементом.

The article is devoted to the characteristic of becoming and development of international civil process in the Republic of Belarus in the recent period. It deals with the necessity grounds of passing a particular statutory act of international civil process. The social relations exercising protection of foreign subjects' violated rights should to be the object of legal regulation in this particular statutory act of international civil process. The defence of avoided interests of the civil legal relationships subjects by law is also to be considered as an object of legal regulation in this particular statutory act of international civil process.